МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРИБУНАЛ по преступлениям украинских неонацистов и их пособников

ЗЛОДЕЯНИЯ КИЕВСКОГО НЕОНАЦИСТСКОГО РЕЖИМА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

ФОНД ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ДЕМОКРАТИИ

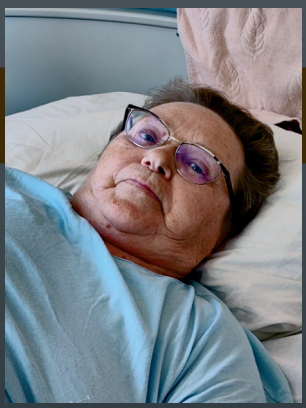
ФОНД ПОДДЕРЖКИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ

Общественная палата Российской Федерации

Собранные Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов (председатель – М. С. Григорьев) данные доказывают факты военных преступлений и преступлений против человечности со стороны киевского неонацистского режима.

Пострадавшие жители Курской области рассказывают о намеренных и целенаправленных убийствах Вооруженными силами Украины российских граждан из стрелкового оружия, беспилотными летательными аппаратами (используются как БПЛА-камикадзе, так и сбросы с них гранат и разнообразных взрывчатых устройств), с помощью обстрелов мирных частных домов из артиллерии и минометов.

В нарушение Женевских конвенций киевский режим также целенаправленно обстреливает и уничтожает российские мирные объекты, больницы, госпитали, православные церкви.



**Галина Дмитриевна Самборская (75 лет),
житель села Казачья Локня
(Курская область)**

«Как я была ранена? Мы поехали по нашей улице до перекрестка. Там магазин «Василек» расположен, у магазина стол, две скамеечки, и стоит мужчина ВСУ в камуфляжной форме с автоматом. Одна нога у него была на скамеечке, другая на асфальте.

И вдруг он по первой машине дает очередь. В ней были наши друзья. Украинский солдат в одном направлении автоматом провел, а потом в противоположном. Друзьям выше в машине попало, нам ниже. У него жену убили насмерть. Ей в грудь попали. И она только успела дважды повторить: в меня попали, в меня попали. И всё, и умерла.

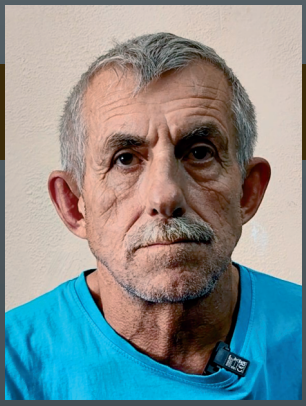
А у нас попали в колесо. Я была вся в крови. Руки все полностью красные стали. У нас, кроме того, что колесо было прострелено, тосол потёк. Мы поехали, машина пройдет метров четыреста – греется. И вот такими мы небольшими-небольшими кусочками перерезанными добрались до села Большого солдатского, там нашли медпункт. На наше счастье, там оказались наши военные медики. Оказали первую помощь мне и мужу.

У меня полностью бедро прострелено. А пуля была разрывная... Там очень глубокая рана. Первую операцию сделали здесь по прибытии, вынули осколки. Вторая операция была – убрали некроз ткани. И вот два дня назад мы сделали заключительную операцию. Хотели сделать пересадку ткани, но рана такая, что не позволила. Говорят, там не приживется пересаженная ткань. У супруга прострелено было под коленом и до паха.

Мы когда-то переехали на постоянное место жительства сюда. У меня муж по национальности украинец и рожденный в Кировоградской области, поэтому ему всё время хотелось ближе к родине. Ну а поскольку Союз разделился, вот мы и приехали ближе к родине его.

Когда украинцы стреляли, я даже, наверное, не испугалась, а скорее, удивилась, что по нам стреляют. У меня был такой шок, что я вообще никакой боли не чувствовала, до самого момента, как сюда приехала, хотя кровью истекала. Вообще было страшно. А когда узнали, что Таню убило, тогда вообще...»

ФОНД ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ДЕМОКРАТИИ
ФОНД ПОДДЕРЖКИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ
Общественная палата Российской Федерации



**Юрий Иванович Маклаков,
житель села Заолешенка
(Курская область)**

«7 августа на кольце в Суджи меня обстреляли. Я ушел вправо. Остановился, а там гражданские машины стояли заведенные, со светом. Ни одной военной не было.

Я пошел посмотреть, пассажиры все мертвые. Больше десяти машин. Повреждения от стрелкового огня. Видно, что пробиты и крылья, и колеса. Хохляк пострелял.

Только один раненый был. Пулевые ранения. Ниже пояса все было перебито.

Я к нему ночью ходил, напротив заправки. Мы пошли потихоньку и потом где-то метров 300 отошли, и выстрел был. Скорее всего, его добили.

В другой машине три женщины были - две раненых, пожилые. Одна в плечо, одна в бедро. Стрелковые ранения. А мужчина мертвый был. Она говорит: «Вы нас заберете?» «Подождите, сейчас машину возьму и заберу, конечно». Она что-то приподнялась, тут же выстрел и крик. Украинский военный.

Еще говорит: «Голову поднимешь, стреляем на поражение». Смотрю, выходят двое - форма натовская, новая. Я тихонько пошел.

А в другом месте иностранную речь слышал. Когда через забор перелез, там БТР стояли. Там непонятно какая речь была. Не русская, и не украинская, не поймешь. Какая-то другая.

Хохлы геноцидом занимаются. Убивают. Наверное, такой приказ у них был, или просто нелюди».

**Валентина Ивановна Золотарева (71 год),
житель села Заолешенка
(Курская область)**

«Моих знакомых, женщину с мужем, зашли ВСУ и убили. У нее дом рядом с сельским советом Заолешенки, она работала в сельском совете. Они остались там, не смогли выехать, и их убили. Ей было около 80 лет. И ему так же. Просто расстреляли.

А в соседнем селе приехал сын до матери. Зашли хохлы и их с матерью убили. И мать, и его убили. Мать моложе меня – 55 лет, где-то так. Пришел в отпуск человек – и его убили.

Что делали ВСУ, было страшно. Что люди рассказывали? Что видели уже. И уже как трупы лежали. И как издевались.

А вот сейчас сами эти... украинцы показывают видео, как они расстреливают мирных жителей».

Роман Александрович Яценко,
житель г. Суджи
(Курская область)

«6 августа начался плотный обстрел. С супругой разговаривал, она выскакивала из подвала, но потом – последний звонок, рассказала – сильный обстрел. После на связь она больше не выходила. На следующий день решил ехать за ней.

Меня предупредили, что там гражданских убивают, что город занят. Ну думаю, ладно, чему быть, того не миновать. Доходя до кольца, услышал уже автоматные очереди. Как раз машина при мне развернулась, и ее обстреляли.

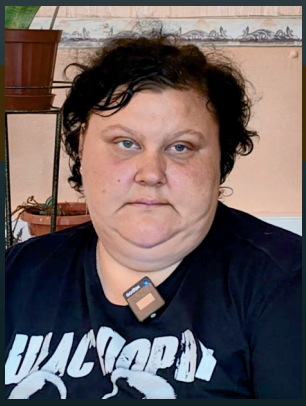
Вторая выехала – обстреляли. Решил обходить по краю поля.

В красной Ниве увидел 200-го. Потом еще в белой машине 200-й был. Гражданские машины. По мне стал стрелять украинский военный. Я присел, понял, что он не преследует, остался на месте, и двинулся дальше.

Подошел к дому, постучался, быстро сборы, удобную обувь, мобильники, пауэрбанки, документы. Быстро собрались, дал указание идти гуськом, чтоб не кучно. Детям объяснил: «Мы – большое ухо, идем, слушаем дроны». Все дети послушные.

Опять же к полю подошли. Украинский военный снова начал стрелять, хотя видел, что пятеро детей.

Мы бегом, потом по-пластунски, потом по посадке шли. Там была трава в кровяке, людей раздолбали. А у кольца там машин восемь-девять, и плюс еще штуки три на трассе было расстрелянных и сбросами с дронов сгоревших».



Инна Владимировна Гаврюшова,
житель поселка Теткино
(Курская область)

«Поселок Теткино рядом с границей – триста метров. 16 августа 2024 года я сама лично убегала на велосипеде четырнадцать километров. Украинские обстрелы продолжались постоянно, потом квадрокоптеры. Били по людям, по поселку, по домам. Ко мне прилетали осколки, дом разбило. У соседки через дом провода обрубило, потом недалеко через два дома тоже у соседки в огород прилетело, прям в рост яма.

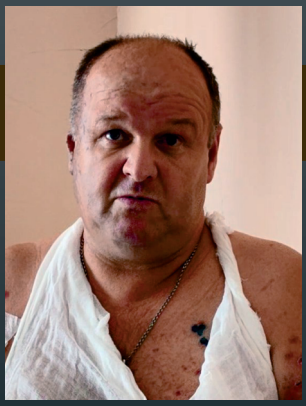
В центре видели разбитую ударом квадрокоптера машину, и люди лежали раненые. Вывернуты две двери, стекла разбиты. Мужчины уже нет в живых, а женщина еще жива. Вижу, что у женщины нога разорвана. Она лежала в куртке, а мужчина весь в крови был укрыт пледом, потому что у него видны были в животе все внутренности… »

Елена Валентиновна Галева,
житель г. Суджи
(Курская область)

«Мы выезжали из села Коренево в субботу, 10 августа. У нас обыкновенная маленькая синенькая машина «Ока». Когда заехали на мост, резко жужжание и взрывы. Единственное, что я только успела крикнуть ребенку и папе, чтобы она легла на пол. Девочке 20 лет, только исполнилось 2 мая. Она погибла. Погиб папа, муж мой, и дочь погибла.

Когда пришла в себя муж уже был мертвый, лежал. Ребенка выкинуло. Было такое ощущение, что она еще была жива. Я начала кричать, звать на помощь.

У меня черепно-мозговая травма, перелом ключицы и лопатки. Вытаскивали из плечей осколки».



Николай Павлович Голодьков,
житель г. Суджи
(Курская область)

«Мне дали путевые листы возить щебень на Суджу, на асфальтовый завод. Загрузились и в Суджу подъезжаем. Я еще еду, посмотрел в небо, вроде никого нету. Только чуть глаза вниз, вот он, дрон.

Как сейчас помню, красный с белыми полосками, черная коробка большая, синей изолентой перемотана. Прямо вот передо мной. И у меня ниже лобового стекла – взрыв. Вылез, в глазах, в ушах всё темно, шум в голове. У меня огонь с сидушки начался. Сразу меня в машину, привезли в больницу. Спасибо медикам, сразу оперативно меня обезболили, обмыли, всё сделали. У меня рваные раны. Вытянули осколок.

Хохлы целенаправленно по нам били. Им приказ такой, чтобы уничтожать россиян. Они за это напали на нас. Там машины тоже горели уже, дронами били. Машины обычных людей. Мы уже когда ехали, чуть выше поднялись, и две машины горело. Люди там.

Парень рассказывал, они выезжали и их остановили хохлы, ну, эти, нацики. Вернули назад, говорят: нет, мы вас не пустим. А он вез отца, мать. Говорит: «Я в Суджу по полю хотел объехать». И они открыли огонь на поражение. Его ранило, ранили отца тоже, машину побило. Потом работал украинский снайпер. Даже видел, как по капоту прошла пуля вот эта, снайперская. Ну, он выскочил.

Много случаев таких. Вот парень здесь в больнице лежит с села Погребки. С украинского танка стреляли. Вез семью. Сразу насмерть. А он тяжелый. Ранение тоже осколочное».

Валерий Павлович Моисеев,
житель г. Суджи
(Курская область)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРИБУНАЛ по преступлениям украинских неонацистов и их пособников

«С мая месяца стали украинские дроны очень часто стали сбрасывать взрывчатые заряды по селам вокруг Суджи. Был обстрел по Гончаровке - там пострадало, по-моему, 14 домов. Обстрел мирного населения. Там военных частей нет. Это просто жилая часть. Пригороды Суджи.

Юрий Неткач забрал из санатория свою 11-летнюю дочку Полину и попросил друга подвезти до дома. Они буквально не доехали метров двадцать. Сзади попал украинский снаряд. Машина пробита была, как решето, осколками. Неткач погиб на месте – полноги оторвало. Шоферу вырвало из ноги часть – осколочные ранения, и девочка Полина – у нее множественные осколочные внутренние попадания и в шею. Обстрел был по пристанционной части города Суджи. Начался пожар, дом был полностью разрушен, восстановлению не подлежит. Женщину вытащили с ожогами. А ее муж – от пережитого ужаса у него случился инсульт. За что мирным жителям такие страдания?

А 6 августа был массовый обстрел. За всё время настолько жесткого и массового не было обстрела. По городу звучали разрывы снарядов. Попали в прачечную рядом с детским садом, шел дым. Там стреляли и танки, и «грады», и дроны. Не просто заряд дрон сбросил, а обстрел из танка. До этого у нас было нападение дронами на заправочные станции. Было попадание в районе больницы, погиб мужчина, выходил на работу, возле машины своей погиб.

Такое впечатление, как сорок первый год, в детстве смотрел много фильмов про войну, когда немцы заходят в город. Мне в голову пришла эта картинка, и я понял, вот те раз, и на мою судьбу выпала такая доля, значит, испытать этот день, как люди испытали советские в 1941-м, 22 июня».

Владислав Игоревич Воскобойников,
житель г. Суджи
(Курская область)

«6 августа атака украинских дронов была, потом начался артобстрел. После артобстрела начали «градами» бить уже по Гончаровке. В городе было разрушено три здания. Украинцы били со всего, что можно.

Брат у меня ездил в Суджу с другом за семьей. Заехали нормально, собрали семью, начали выезжать, и их машину обстреляли. Три пулевых отверстия в лобовом стекле. Повезло им, чудом они выехали».

ФОНД ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ДЕМОКРАТИИ

ФОНД ПОДДЕРЖКИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ

Общественная палата Российской Федерации

**Владимир Петрович Максин (75 лет),
житель г. Суджи
(Курская область)**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРИБУНАЛ по преступлениям украинских неонацистов и их пособников

«Вечером 7-го августа я получил пулевое ранение, через локоть насквозь прошло.

Я ехал по объездной дороге. Когда доехал до поворота на Курск, заметил, что впереди стоят четыре человека. С одной стороны два, на другой стороне дороги два с автоматами, в касках. И экипировка у них была украинская, не наших ребят, синие ободки на касках, на рукавах синие. А чуть дальше, выше, пулеметная точка стояла.

Я повернул вправо в сторону вокзала, думаю, проскочить. Ну, проскочить я не смог, открыли огонь. Я в обочину встал, лег на правое сиденье.

Короче, я получил прострел с автомата. Когда начал истекать кровью, я решил вылезти с машины, уйти в откос туда, за дорогу спрятаться. Когда открыл дверь, загорелся в салоне свет и тут получил опять автоматную очередь. Слышу – по машине прошло, заднее стекло посыпалось.

Украинцы стреляли на свет. А потом сзади уже машины были тоже набиты, уже стояли за мной. Гражданские машины, там военных никого не было.

До этого другая машина проехала от меня метров, наверное, тридцать, в правую сторону. Я в сторону вокзала справа, а он ехал с вокзала в ту сторону. Там у нас стоит памятник МИГ-29. Памятник, они разбили его, с танков расстреляли.

И эта машина где-то там встала, я крик слышал боли. Там стоны, там женщины были. Напротив меня еще машина сгоревшая стояла, полностью сгоревшая.

Женщины нашли меня и притащили. У них шофера ранило в позвоночник, он еще долго стонал, лежал, а перед утром скончался. Скорее всего, с автомата.

Мы стали выезжать – над нами украинский коптер. Дорога прямая, притопили, наверное, больше 160. Перед утром туман на оптику налипает. Если бы хорошая, ясная погода, догнал бы это. Хотя скорость у коптера большая, может, 120-130 км. Гнался за нами, но ушли мы.

Меня потом сын встретил перед Курском и сразу в областную больницу, на операционный стол, вытаскивали осколки, все пули. Вот такие дела, что делается.

Один батюшка перед этим выезжал, ему украинский коптер влупил, короче, разбил машину. Легковая машина. Он жив остался, а машину разбило. Там машины, ты куда ни глянь, везде побиты, стоят сгоревшие.

Сосед вернулся за вещами. Взял еще одного пацана с асфальтного завода. Тоже стали спускаться по шоссе. Автоматная очередь, сына убили. Отец с пассажирского выходит: «Сынок, сынок». Тут снова очередь с автомата. Убили.

А тот, кто сидел с ними, дверку открывает и в эту обочину, и ползком, ползком по посадке сбежал. Он был у нас в больнице. Ко мне приходила мать, я не мог сказать ей, что и сына, и мужа убили.

Столько там машин побито, прямо видно, что люди там. Когда мы уезжали, смотришь, там в кювете сгоревшие трупы и все там в этих машинах. Жутко делается».

ФОНД ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ДЕМОКРАТИИ

ФОНД ПОДДЕРЖКИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ

Общественная палата Российской Федерации

**Дмитрий Васильевич Дьяченко,
житель села Погребки
(Курская область)**

«Я лично видел, как с украинского броневика стреляли из миномета в сторону села.

А еще ехали наши – Виктор и Сашка ехал в первой машине вдвоем, на второй машине их сын за рулем ехал с женой Сашки и там Илюшка. И шла украинская колонна. Первые бронированные машины отъехали в сторону, и по ним ударил танк. Именно танк, который сзади шел, именно танк стрелял. Он сказал, что дядю Витю нашел, а отца не нашел. А как оказалось, что его где-то через два дня в наше время нашли, подобрали. Наталья ранена, а муж погиб. А еще колонну прямо на ходу по машине прострочили из пулемета.

Слышал еще, что в деревне сына тети Нины ВСУ на гранату посадили. Они жили сколько лет уже, тетя Нина за 60 лет».

**Дмитрий Ильич Лавро,
житель поселка Коренево
(Курская область)**

«Когда начался украинский обстрел они стреляли по центру. С семьей мы выехали из поселка в ночь с 6 на 7 августа. А числа 11-12 ездили, забирали вещи с товарищем. Когда выезжали на развилку, с дороги было много обстрелянных гражданских машин. Были погибшие.

В одной машине мужчина и женщина его. ВСУ их обстреляли и они лежали мертвые. То есть жена, видимо, еще сначала жива была. Она из машины, видимо, пыталась выползти. Было им лет по 60 лет. А муж лежал там, где руль. Стреляли, скорее всего, с автоматов. Были видны отверстия.

Мы сами с другом, когда выезжали, там есть мост, небольшой, моя машина тоже попала под обстрел. Два раза в ногу друга ранило. ВСУ как начали стрелять, начали мы зигзаги по дороге делать. Думали, что сейчас по колесам прострелят и всё. И нам тоже конец.

ВСУ – не люди, кто они еще? Брать в бабушек, дедушек стрелять и простых людей, без оружия? Не люди они. Многие рассказывали, что когда ВСУ заходили в села, то издевались над бабулями.

В Любимовке у нас сельский совет, в селе бабуля живет одна. ВСУ пришли со своим, наш флаг сняли, свой туда повесили. Бабуля подошла и говорит им. Один из ВСУ под ноги ей начал стрелять с калаша».

**Наталья Викторовна Шелехова,
житель села Черкасское Поречное
(Курская область)**

«6 августа мы решили вместе с мужем вывезти внучку к моей подруге. Поехали, впереди сидел муж, а сзади сидели две дочки моих, зять и внучка маленькая на руках посередине у дочки. Внучке два годика. Из-за внучки выехали, мы спасали ребенка.

Когда мы ехали, не доезжая села за мостом, нас атаковал украинский дрон. Он скидывал бомбы по моей машине. Два раза какие-то как огненные шары были. Ну, нам удалось все-таки уйти от дрона.

Я почувствовала, что у меня в боку было горячо. Было и колесо заднее пробито, когда мы приехали. Потом мы приехали в село, а там уже была сестра. Она меня обняла, и когда вытянула руку, у нее кровь была на руке. Она говорит: «Наташа, ты ранена».

Мне оказали медицинскую помощь, сказали, что нужно обратиться в Курск к хирургу. На следующий день мы приехали в Курск, к тете, к родной моей, я вызвала 112, скорую, полицию.

Полиция зафиксировала повреждения. Машина была без стекол. Вот по капоту все прилетало. Крыша, на крыше дырки.

Не знаю почему ВСУ это делают, может они нас ненавидят. Они нас просто хотят поубивать. Это твари».

**Оксана Николаевна Карпенко,
житель села Попово-Лежачи
(Курская область)**

«Мы детей отвозили в школу, ехали обратно на маршрутке. Там приблизительно 6-7 человек было. Сброс был с дрона. Водитель съехал на обочину и сказал, я туда не поеду, там дроны летают. Мы сели в машину, и в машину в нас украинский дрон попал сзади. В машине четверо было.

Обычная легковая гражданская машина. Дрон ВСУ скинул взрывчатку. Попал дрон прямо в машину. Машина завалилась. Я из машины выскочила.

Алина уже без головы. Таня говорит: «Хотела спросить, где Алина?» А у Алины голова отлетела.

У меня ранения средней тяжести, в бедро. У меня пять осколков большие были, остальные маленькие. Маленькие еще вот выходят. У Тани тоже сзади много осколков, но у нее меньше. А вот у бабы Маши, у нее тяжелые, у нее ожоги были, много ожогов. И, конечно, много осколков. Бабе Маше где-то 70.

ВСУ тренировались на мирных жителях. В один день три машины».

**Галина Владимировна Молокоедова,
житель села Снагость
(Курская область)**

«Выезжали мы со Снагости рано утром. Только стали до Коренево доезжать, глянули, там трупы валяются. Мы прямо по трупам проехали, машин много побитых, люди валяются. Сколько людей убитых лежало. И машины поразбивали.

Мы мимо них проехали, а тут какие-то снаряды по дороге лежали. Так хорошо, что мы на них не наехали. Думали, сейчас наедем, и мы взорвемся.

Доехали до села Коренево и на нас стали ВСУ стрелять. Мы стали поворачивать и мне сразу в плечо попало.

Я вижу, что у меня кровь полилась. Потом уже почувствовала, что у меня через кофту кровь полилась. И чуть-чуть в машину попало. У нас синего цвета «Жигули». Ехал муж и нас трое».

**Ирина Григорьевна Морозова,
житель поселка Коренево
(Курская область)**

«У меня мама пожилая, 82 года. Мы думали, что это все ненадолго, а 9 августа вообще было просто беспросветно, выйти на улицу страшно. Мы сидели в одной комнате практически без движения.

Украинские выстрелы были беспорядочные. Непонятно, были ли у них какие-то цели или нет. И в огороды прилетало, повредило дома, дом сгорел. Много поврежденных дорог, огромные воронки. Стреляли периодами, отстреляют и на какое-то время тишина. Тишина, если честно, пугала даже еще больше, чем выстрелы. Потому что ты сидишь и ждешь, куда в следующий раз это все прилетит.

На выезде из села Коренево, не доезжая моста, украинцы расстреливали машины. Машины, естественно, гражданские. Люди пытались выехать, а в село уже зашли военные ВСУ.

Люди пытались на своих машинах выехать из села, а их расстреливали в упор из автоматов.

Выезжало пять машин, и всех расстреляли. Ни единого человека в живых не оставили. Пять машин выезжали семьями. Минимум пятнадцать людей, а то и больше, украинцы убили. Говорили, в живых не осталось никого.

Люди из села Коренево рассказали, что когда ВСУ заходили, то просто расстреливали автоматами, автоматными очередями, не смотря, кто там – старики, дети, взрослые люди. Это где улица Барановка и центр «Гигант». Они сжигали дома и расстреливали людей».

Наталья Попова,
житель села Гуево
(Курская область)

«Село Гуево в 18 километрах от Суджи. ВСУ начали ездить на джипах, флаги свои понавесили, этих тряпок своих. У меня бабушка во время войны была, и я историю читала. Это ж нелюди. Кто ж тебя живым оставит? Вот они сейчас для заграницы пишут, что они хлебушком людей кормят, а сами-то там грабят. Фашисты тоже сначала шоколадом кормили, а потом на кол садили людей.

Хотя уже люди оттуда позвонили, говорят, того убили, того убили. Мы сейчас даже не знаем правды.

Мы, когда уходили, собрались в одном доме все – двадцать пять человек. Пошли, а там уже начался кошмар. Увидят дрон – все бегут под дерево, или тихо-тихо сидишь, перебежками бежали к лесу. Шли двое суток. И дети тоже. Но дети молодцы, дети – ни звука. И две девочки, двойняшки, четырнадцать лет. Вообще десять детей шло. Самый младший, по-моему, два с половиной года – Арина.

Очень дроны не давали идти. Если они заметят, они же кидают бомбы, ну, взрывают. Видишь, а их тьма, последнее время их вообще столько стало. Они не давали нам житья, даже в селе. Вот машина стоит на дворе, они кинули, спалили. Они нас два года обстреливали сначала, с Украины летали эти. Но дронов столько не было.

Дроны ВСУ летают. Машина стоит, они ее разбили, они на дом кинули. Они как играются. Спалили машину и еще одну спалили просто.

В общем, ВСУ – твари. Надо их побить».

Николай Дмитриевич Дзюба,
житель села Гуево
(Курская область)

«Мы шестого числа вышли во двор посоветоваться с родственниками, с соседями, что будем делать. Появился украинский дрон. Он пролетел, завис, отлетел и попёр на меня. Я отскочил или откатился от этого места. Он взорвался и взорвалась соседская машина при этом взрыве. Меня контузило и ранило ногу, спину и шею.

Я был одет как обычный сельский житель. Украинцы видели, что я гражданский человек, одет по гражданке. Военных в селе вообще не было. Они обстреливали и запугивали местное население. Обстрелами замучили нас. То минометы, то дроны.

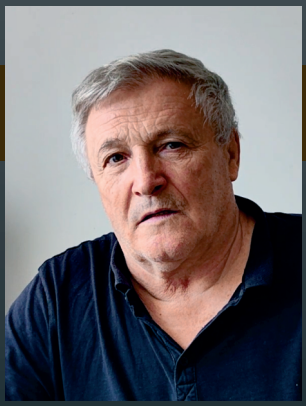
Восьмого августа пришли соседи, сказали, что все заняли украинские солдаты, вешают свой флаг на Доме культуры, стрельба. Мы что было взяли и пошли пешком через леса. Центральные улицы были отрезаны. В тот день выходили двадцать один человек, старики, дети».

**Анна Ивановна Люшная (61 год),
житель г. Суджи
(Курская область)**

«Я была ранена 7 августа поздно вечером. Мы выезжали из Суджи, и на нас напал украинский дрон. Боковой удар. Мы ехали на машине, муж за рулем. Посыпались такие грязные крошки. Я сначала подумала, что-то в лужу заехали. Один, потом второй. Потом колено начало гореть. Смотрю, кровь, перерезало ногу. Я попросила полотенце.

Спереди сидел мужчина, сосед, живет через два дома от нас. Ему тоже попало.

Приехали, там наши солдаты. Они меня пересадили в свою машину, перевязали жгутом. Потом меня скорая забрала и привезла в Курск в эту больницу».



**Михаил Фёдорович Воронцов,
житель села Замостье
(Курская область)**

«7 августа вечером я выезжал из Суджи на объездную. Поднимаются вдвоем с синими повязками на голове и на рукаве. Один вскидывает оружие, я по газам. И когда по газам слышу, что получил по машине. Получаю, стекла посыпались, я получил у головы. Выехал уже на объездную, теряю на какое-то время сознание.

Скорость сбросил, но потом слышу горох по колесу, очень сильный. Я по газам, по газам, с третьей переключился на четвертую, через этот железнодорожный переезд, мост, переехал на объездную и уехал.

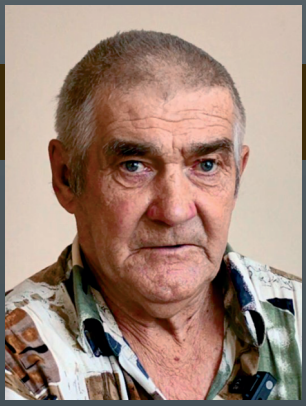
По дороге видел, машина расстрелянную, сгоревшую. Еще несколько машин. Хонда стояла, тоже была расстреляна, но не сгоревшая. А две машины были сгоревшие. Гражданские машины были сгоревшие.

Когда я приехал сюда, в Курск, мне вызвали скорую. Меня привезли в больницу, и там девочка всю дорогу говорила, ей 7 лет, что украинцы папу убили, а мама тяжёло раненная лежала. Эта девочка сильно была посечённая.

А потом привезли с Куриловки женщину, 74 года, сына застрелили. Она была в синяках, ВСУ просто били ее.

Лежал Николай, чья машина была расстреляна и квадрокоптер залетел. Максим с пулевым ранением. Он на своей машине, у него фольксваген, ехал и его тоже ВСУ расстреливали, сидели они на шиномонтаже.

А это для того, чтобы нас запугать. Но это бесполезно».



**Владимир Васильевич Шевцов (69 лет),
житель деревни Журавли
(Курская область)**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРИБУНАЛ по преступлениям украинских неонацистов и их пособников

«Когда украинцы зашли, они спокойно не шли, они стреляли. Сперва шли БТР, и очереди стрекотали. Они били по окнам. У меня пуля влетела в кухню. Ворота пробиты, отверстия в воротах, крыши пробиты у соседки. Они, наверное, с мирными жителями воевали или запугать хотели.

12 августа около 11 часов дня я стоял, жена и пацан сидели на диване. Выстрел в окошко, окошко пробивает, потом щелчок такой сильный, аж блеснуло что-то. Пулей или осколком в дверце холодильника вырвало клок металла. Я получил ранение в плечо, глубокая рана сзади и ниже локтя, вытянули маленький осколок. А в плече, что глубоко сидит, не стали вынимать, чтобы немного развязать мышцы».

**Иван Юрьевич Ковалев,
житель г. Суджи
(Курская область)**

«Очень много было атак украинских дронов. На моих глазах практически где-то месяц до нападения они атаковали заправки. Одну заправку рядом с моей работой как раз подорвали с помощью дрона. И затем, когда приехали пожарные, МЧС на этот вызов, прямо на моих глазах ударили в машину пожарную. Это было прямо в центре города.

Когда я выходил из города, то встретил первую сгоревшую гражданскую машину. И как раз приятель, который меня возил, он рассказал, что на его глазах украинский дрон сбросил заряд. Были видны от сбросов дрона разбитые гражданские машины, там была кровь. В одной из машин на заднем сиденье повязка окровавленная, открытый багажник.

Когда я вернулся в город за мамой, там было постоянно жужжание дронов. Приходилось прятаться то под остановку, то к дереву. Он пролетает, пожужжит, и буквально там минуты – и слышен взрыв. И вот опять так прожужжит, минута, взрыв.

Есть одна семья, я с ней познакомился в пункте временного размещения, они из Гоголевки, это практически самый ближайший населенный пункт границы.

Им пришлось идти пешком по болотам, потому что по дороге они выехать не могли. Они видели украинские танки. Они там ползли по болоту, по лесу им пришлось тридцать километров пройти, чтобы выбраться. Стреляли по ним».

ФОНД ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ДЕМОКРАТИИ

ФОНД ПОДДЕРЖКИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ

Общественная палата Российской Федерации

**Валентина Григорьева Худякова,
житель села Мартыновка
(Курская область)**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРИБУНАЛ по преступлениям украинских неонацистов и их пособников

«Было очень громко, страшно. Во вторник утром я пошла на работу, были обстрелы. Я говорю: «Давай собираться». Как-то оно страшнее и страшнее. Всё громче и громче. Мы несколько раз бегали в подвал, сидели в подвале.

С понедельника на вторник, где-то часа в четыре я встала, газа уже не было. Оказывается, они подорвали газопровод и перекрыли газ. Где-то часов в 10 во вторник перестал свет.

Пошла снова на работу. Украинцы целенаправленно били сперва базу. База – это наша организация. У агрофирмы Ново-Ивановка, там и КамАЗы были, и трактора были, в общем, техника стояла, склады с зерном были. И они туда били.

На работе мы с девочками управляемся с хозяйством, летит дрон. А я кричу: «Девочки, дрон!» Прятались под кустами. Пролетел украинский дрон, пролетел и туда куда-то, в сторону села. Слышим оттуда взрыв. Что-то они подорвали там. Горит всё черное.

В среду говорю: «Девчата, разбегаемся по домам. Будем где-то в подвале укрываться». Бегу я домой, я еще не знала, что по дороге горят машины. Я бежала по посадке. Хотя уже был слух: не бегайте, не едьте по трассе, бьют дроны, горят машины, люди.

Когда я пришла до дому, оказывается, с нашей улицы мы уезжали самые последние. Мы попрыгали в машину и уехали в Мартыновку. Только мы подъехали, еще не успели с машины вылезти, и дроны начали один за одним, как будто они нас ждали, за нами охотились. И тут опять – «гук, гук», и полетели «грады» осколочные. Полетело всё, слышим только «бах» на дворе. Муж говорит: «Давайте отсюда сваливать».

Загорелся дом подальше. Слышим взрыв. Опять летит что-то. Мы всё закрываем, прыгаем в машину. Но тут дроны летают, нам выехать нельзя. Видим на трассе – горит. И мы рискнули.

Украинцы охотились на нас. Видели, что гражданская машина. Муж говорит, что скорее всего, машину заметили. Но мы в лесок ее под дерево загнали. И сами так деревце, как говорится, обняли и стояли не дыша, не шевелясь. И оно над нами кружило-кружило и полетело. Там еще соседи около дома оставили машину и уехали.

Я говорю, сколько можешь, выжимай, гони, а мы будем только молиться. Он говорит: «Смотри, дроны, если что – в кукурузу или в посадку куда-нибудь». Я говорю: «Успеем мы выскочить». Проезжаем, там машина горит. Едем дальше, снова машина горит. Горело, наверное, машин шесть.

Мы мимо этого дыма, мимо этих машин, все полыхает. Может, и люди там сгорели.

Мы пролетаем, приехали мы в село Большесолдатское. Я просто не могла уже с машины вылезти, плохо мне было, мне кажется, и ноги отнялись, и руки. А 22 августа украинцы били по Козырёвке».

ФОНД ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ДЕМОКРАТИИ

ФОНД ПОДДЕРЖКИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ

Общественная палата Российской Федерации

**Сергей Борисович Безручко,
житель г. Суджи
(Курская область)**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРИБУНАЛ по преступлениям украинских неонацистов и их пособников

«С 5-6 августа начался сильный обстрел. Я утром прошелся по городу: здание прокуратуры было полностью разбито, на гостинице нет крыши, соседние дома сильно посечены, стекла – осколками.

Украинские войска обстреливали мирный город. Преследовали свои преступные цели. Если регулярная армия ведет войну с мирным населением, это террор просто. По-другому нельзя никак назвать.

7 августа мы проснулись утром – я услышал стрелковый бой. Пулемет тяжелый сильно бил. На тот момент связи не было уже никакой, и невозможно было узнать, не было ни электричества, ни Интернета. Я сделал вывод, что надо своими силами выбираться из города.

С мамой вдвоем мы собрали два пакета документов и подошли к выезду из города. Нас подобрала машина, и на большой скорости довезли до Большесолдатского. На тот момент уже по дороге были машины, сгоревшие от ударов украинских дронов. Гражданские машины. Военной техники подбитой я не видел. Мы ехали на очень большой скорости, шел дождь, и была как-то такая низкая облачность. Я, насколько знаю, что дроны в это время они особо не летают, не запускают. Наверное, это нас, скорее всего, и спасло.

А до этого, за неделю, на моих глазах украинский дрон ударил по машине, по гражданской, припаркованной у частного дома. Вот я спрятался за деревом, он подлетел на центр дороги и ударил. Машина была полностью разбита».

**Алла Федоровна Левченко (75 лет),
житель деревни Журавли
(Курская область)**

«Мы сидели во времянке, и вдруг осветило всё. Мы попадали на пол. С пола поднимаемся, Володя весь в крови уже. Четыре раны – осколок один вытянули маленький, а большой не вытянули, правая рука ранена, и под сердце. Котел разбит газовый, газовая плитка сломана полностью, труба пробита, холодильник пробит. Обстрел Украина вела. Приходит сосед Вася. У них окна разбиты, баня вся побита, попростреляно всё, собака убитая.

Одна женщина рассказывала, что украинцы едут и стреляют прямо по заборам, везде, где мирные жители. Такие снаряды летели прямо через хаты. Ехали и стреляли».

ФОНД ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ДЕМОКРАТИИ

ФОНД ПОДДЕРЖКИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ

Общественная палата Российской Федерации

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРИБУНАЛ по преступлениям украинских неонацистов и их пособников

Артем Александрович Кузнецов,
житель г. Суджи
(Курская область)

«6 августа 2024 года в 15:30 начался артобстрел нашего города – Суджи. Обстрел шел по городу, именно по обычным домам, не по военным. По санэпидемстанции, обычный жилой дом – вообще снесли его, обстрел просто по городу. Им не важно куда – лишь бы выстрелить.

Мы выезжали на двух машинах. При выезде я увидел украинских солдат.

Солдаты ВСУ по моей машине открыли из автомата. Метров за семьдесят начали обстреливать.

Я почувствовал, как будто машину камнями осыпают. Не понял сначала вообще ничего, что происходит. Мне в салон залетела пуля, я поворачиваю голову – и солдат на меня смотрит. Он на меня смотрит, я на него. Мы даже взглядом перекинулись с ним. Он в очках был, в балаклаве, каска синяя, изолента.

Я увидел автомат. Мы как с ним перекинулись взглядом, и он прострелил мне кепку. Он целился просто в меня, целенаправленно. Еще несколько пуль машину прошили, и я проскочил – мне повезло.

А беременная жена ехала сзади, метров семьдесят от меня. И я с окна машу ей: быстрее-быстрее, и слышу, что идет огонь по ней. Я проехал и остановился, чтобы убедиться, что она едет. И я увидел, как из-за поворота, смотрю, машина выскакивает ее. И уже теща с заднего сиденья, у нее ребенок, Матвей, на руках был. Она кричит: «Нина, Нина, Матвея ранили».

А Нина уже была без сознания, врезалась в мою машину. Матвею год и девять месяцев. У него осколочная от металла в спинке, одно глубокое в плечо. И на попе до почки чуть-чуть не хватило. Ранения серьезные.

Я знаю историю о том, что через три дома, где мы жили в Куриловке, парень жил. Они просто завели его в дом, там расстреляли, мама похоронила во дворе у себя.

Я встретил дядьку, который выезжал около пяти вечера, и прямо при выезде, там, на объездную дорогу из города, за отбойником, просто солдаты ВСУ достает оружие, и начали просто расстреливать. Они расстреливали машины, по людям стреляли. Этот человек успел, он выехал.

Очень много там было машин брошенных. Это же людей убили. Не дали людям выехать, мирным, обычным не дали выехать.

Я не знаю, какие там у них войска на Украине, то есть они зашли просто чистить, всё почистить, всех убить.

Женщина на вокзале пыталась в машину попасть к себе, чтобы уехать. Ее украинский дрон подорвал. Ноги оторвал, она там с криками лежала, и к ней никто не смог подойти, она там и осталась.

Пускай вся Россия знает, что обычных русских людей, нас всех там пытались ВСУ убить. Я думаю, что это просто нацизм, геноцид. В голове ничего не укладывается.

Я вам честно скажу, я увидел того, кто пришел убивать. Они зашли просто истреблять русский народ, просто людей убивать».

ФОНД ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ДЕМОКРАТИИ

ФОНД ПОДДЕРЖКИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ

Общественная палата Российской Федерации